

Научный совет по историко-теоретическим проблемам искусствознания
Отделения историко-филологических наук Российской академии наук
Scientific Council on Historical-Theoretical Problems for Art Studies
of the Historical-Philological Department of Russian Academy of Sciences

Российская академия архитектуры и строительных наук
Russian Academy of Architecture and Construction Sciences

Научно-исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства (филиал ЦНИИП Минстроя России НИИТИАГ)
Research Institute of Theory and History of Architecture and Town-Planning (the branch of CNIIP of the
Minstroy of Russia)

Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ
State Institute for Art Studies

ПРОГРАММА И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

**ВОПРОСЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ
*QUESTIONS OF THE HISTORY OF WORLD ARCHITECTURE***

CONFERENCE PROGRAMME AND ABSTRACTS OF THE REPORTS

**24–25 мая 2017 года
ГИИ, Козицкий пер. 5
Зал библиотеки**

Информационная поддержка

Москва – 2017

24 мая | May 24th

11.00 ОТКРЫТИЕ | *OPENING*

11.20–14.00. Первое заседание. Ведущие – А.Ю. Казарян и М.Ю. Шевченко | *First session. Led by A. Kazaryan and M. Shevchenko*

Бондаренко Игорь Андреевич

Человек в контурах мироздания. К поиску общности архитектурных традиций Востока и Запада

Шукуров Шариф Мухаммадович

Огненная природа Авраама

Карелин Дмитрий Алексеевич, Карелина Мария Алексеевна

Перспективная подача трехмерных реконструкций памятников архитектуры и особенности зрительного восприятия человека

Хрушкова Людмила Георгиевна

Херсонес Таврический: византийский мрамор в декорации «базилики 1935 г.»

Тарханова Светлана Валерьевна

Позднеримские споллии в ранневизантийских церквях и раннеисламских мечетях Шило (Самария). Особенности местной архитектурной стилистики

Лаврентьева Елена Сергеевна

Вопрос архитектурной реконструкции Храма Гроба Господня XI века в историографии XIX–XX вв.

Бесолов Владимир Бутусович

Армянская школа архитектуроведения: II. Н.Г. Буниатян (1884–1943)

14.00. Кофе-брейк

14.40–17.00. Второе заседание. Ведущие – И.А. Бондаренко и С.В. Тарханова | *First session. Led by I. Bondarenko and S. Tarkhanova*

Клюев Сергей Андреевич

Скальные церкви Тыграй и храмовый комплекс Лалибэлы: некоторые аспекты взаимовлияния

Воробьева Дарья Николаевна

Особенности архитектурной инсталляции комплекса ратх Мамаллапурама

Шевченко Марианна Юрьевна

Влияние концепции идеального города на китайское градостроительство III–XIV веков

Коротчикова Полина Викторовна

Формирование облика столицы Индии в эпоху Делийского султаната: политические, идеологические, природные факторы

Мурадов Руслан Гельдыевич

Региональные особенности архитектуры караван-сараев в Каракумах

Казарян Армен Юрьевич

Архитектура исламских мавзолеев типа ротонды на пространствах Армянского нагорья и Восточной Анатолии. Особенности развития

Кононенко Евгений Иванович

Улу-джами Аксарая: между Османами и Караманом

25 мая | May 25th

11.00–13.00. Третье заседание. Ведущие – А.В. Анисимов и Е.В. Конышева | *First session. Led by A. Anisimov and E. Konysheva*

Чекмарев Владимир Михайлович

Посланники царя Ивана IV в парках, садах и заповедных рощах английской королевы Елизаветы I. 1557, 1559, 1567, 1582-1583 гг.

Клименко Юлия Гавриилловна

Искусство стереотомии в архитектуре французского классицизма

Клименко Сергей Васильевич

Субординация архитектурой власти во Франции второй половины XVII — первой половины XVIII века

Коптева Татьяна Владимировна

“Книга древних” — архитектура как главный источник исторического знания (по Ж.-Л. Вьёлю де Сен-Мо)

Карпов Виктор Васильевич

Жюльен Гваде: Риторика и герменевтика композиции

Волчок Юрий Павлович

Первый международный междисциплинарный журнал по философии культуры "Логос" (1910–1914): у истоков "интернационального стиля" в архитектуре

Кавтарадзе Сергей Юрьевич

Самопозиционирование Человека по отношению к образу мира как стилеобразующий фактор

13.00. Кофе-брейк

13.30–15.30. Четвертое заседание. Ведущий – Ю.В. Чантурия и Ю.Г. Клименко | *First session. Led by Yu. Chanturia*

Ванеян Степан Сергеевич

Эрик Форссман: постклассическая иконология архитектуры

Линникова Ольга Викторовна

Проект К. Ф. Шинкеля для дворца в императорском имении Ореанда

Белинцева Ирина Викторовна

Архитектор Восточной Пруссии Курт Фрик (1884-1963 гг.): противоречия творчества

Арутюнян Тигран Мигранович

Монумент Степану Шаумяну в Ереване

Анисимов Александр Викторович

Начало XX века. Новый тип общественного здания – планетарий

Шурыгина Ольга Сергеевна

Архитектура автомобильных гаражей в Европе и США 1920-1930-х годов: взгляд из Советской России

15.30. Кофе-брейк

16.00–18.00. Пятое заседание. Ведущий – Ю.П. Волчок и Т.В. Коптева | *First session. Led by Yu. Volchok and T. Kopteva*

Чантурия Юрий Владимирович, Хеджазиния Алиреза

Архитектурные ансамбли общественного центра Тегерана первой половины XIX века

Иванов Андрей Владимирович

Исторический центр Гюмри – уникальный ансамбль городской каменной вернакулярной архитектуры XIX – середины XX в.

Конышева Евгения Владимировна

Международные конгрессы, конкурсы и выставки 1900-х - 1930-х гг. в Европе: отражение актуальных проблем градостроительства

Гыбина Майя Михайловна

Рабочие кварталы Милана начала XX века

Ким Екатерина Сергеевна

"Национальные" аспекты градостроительной концепции Рудольфа Шварца

18.00. Подведение итогов конференции

Тезисы докладов | *Abstracts of the papers*

Бондаренко Игорь Андреевич

Д. архит., проф., академик РААСН / НИИТИАГ, Москва

Человек в контурах мироздания. К поиску общности архитектурных традиций Востока и Запада

В докладе акцентируется внимание на древней индийской традиции изображения сидящей фигуры первочеловека — Пуруши в очертаниях квадратной мандалы. Продольная ось этой фигуры соответствует диагонали квадрата. Следовательно, расположение угловых устоев подразумевает по четырем сторонам мандалы, что корреспондируется с почитанием локапал — хранителей стран света. В Европе возобладал обычай ориентировать здания не углами, а осями по сторонам света, однако внутренняя система их построения осталась принципиально той же: в четырехугольнике стен заключался квадрат или ромб, диагонали которого вторили пространственным осям. И именно сюда вписывалась человеческая фигура, как бы рождающаяся, растущая, ширящаяся и формирующая трехмерное пространство.

Шукуров Шариф Мухаммадович

Д. иск. / Институт востоковедения РАН, Москва

Огненная природа Авраама

1. Ярчайшим свидетельством возникновения монотеистической идеи, зарождения нового храмового сознания, и идеи Храма является легенда о противоборстве Авраама с Нимродом. Авраам был брошен в печь, но Всевышний спасает его.

2. Своеобразной семантической эпитезой к этой легенде является сведения о месте рождения Авраама. Это – город Ур, в переводе с древнееврейского означает огонь. Образно говоря, Авраам рожден в огне. «Я Господь, который вывел тебя из Ура Халдейского» (Быт. 15:7), на самом деле имеется в виду извлечение Авраама с семьей из горящего Ура, ибо Ур и есть сам огонь.

3. Ветхозаветный рассказ о Вавилонской башне, рождении Авраама в Уре Халдейском следуют вплотную один за другим в 11 главе книги Бытия, составляя один хронотоп. Стихия огня очевидно преобладает в натуре Авраама – отсюда его гипердинамическая активность.

4. В главе 22 «Книги Бытия» рассказывается об искушении Авраама, Господь велел принести в жертву его сына Исаака. Указано и жертвенное место – гора Мориа – будущее место Храма Соломона и духовный центр будущего Иерусалима.

5. Становится эксплицитной связь между Авраамом, Мельхиседеком и Давидом, и соответственно, Храмом. Авраам, подобно Давиду, имел прямое отношение к мотиву «обретения

города». Авраам и Иерусалим незримо связаны, эта связь являет собой имманентный план большей части «Книги Бытия».

6. От огня Ура и Вавилонской башни к горе Мориа и будущему Иерусалимскому Храму – такова линия жизненных перипетий Авраама.

Карелин Дмитрий Алексеевич

К. иск. / МАРХИ

Карелина Мария Алексеевна

Аспирант / МАРХИ

Перспективная подача трехмерных реконструкций памятников архитектуры и особенности зрительного восприятия человека

Цель доклада — рассмотреть особенности подачи реконструкции памятников архитектуры при помощи перспективных видов с учетом специфики человеческого восприятия. Подобные виды необходимы, чтобы показать важные архитектурные черты или какие-либо значимые видовые точки памятника. Такие изображения ориентированы, в первую очередь, на неспециалистов, и их можно назвать "субъективными". При их создании необходимо обращать внимание на ряд важных моментов, прежде всего на особенности человеческого зрения, комфортный для человеческого восприятия угол зрения. В данном случае работа базируется преимущественно на исследованиях Б. Раушенбаха и ряда западных ученых. Можно выделить несколько основных аспектов проблемы:

- использование наиболее естественного угла зрения (между 20–40 градусами),
- отсутствие третьей точки схода,
- возможное отдаление точки зрения за пределы сцены для создания более естественного изображения,
- внимательное отношение к разработанности плоскости земли, что важно для передачи расстояний между предметами,
- использование систем перспективы с построением картины не на плоскость (сфера, цилиндр и т.д.),
- Исключение композиционных ошибок, например "оптического контакта".

Кроме того, определенное значение имеет создание реалистичного освещения, аккуратное использование антуража и грамотная композиция изображения.

Вышесказанное подразумевает, что критерии, обычно применяемые в фотографии или классическом изобразительном искусстве, могут и должны использоваться при подаче научных реконструкций.

Хрушкова Людмила Георгиевна

Д. ист. наук / Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова

Херсонес Таврический: византийский мрамор «базилики 1935 г.»

Большинство ранневизантийских базилик Херсонеса было раскопано в конце XIX – начале XX в. Исключение составляет т. наз. «базилика 1935 г.», которую исследовал известный археолог Григорий Д. Белов (1898–1979). «Базилика 1935 г.» представляет собою комплекс, состоящий из четырех сменявших друг друга сооружений. Вначале была построена небольшая синагога, ее сменила базилика, затем она была перестроена и расширена. В эпоху средневековья на руинах базилики построили небольшую часовню.

Раскопки 1935–1936 гг. обнаружены серию ранневизантийских капителей, которые относятся к трем типам: это композитные капители с тонким зубчатым аканфом (по старой терминологии т. наз. «феодосианские»), коринфские капители и импосты. На базилике дважды проводились реставрационные работы, в 1936 и 1956 гг., и сейчас на памятнике находятся и те капители, которые найдены раскопками, и те, которые были принесены сюда с других памятников.

Композитные капители с двумя рядами отогнутых ажурных листьев аканфа являются характерным созданием V в. Сейчас нам известно 7 почти целых капителей такого типа из Херсонеса, из них четыре происходят из базилики, и еще одна предположительно относится к этой группе. Капители датируются временем между серединой и 70-ми годами V в.

На базилике 1935 г. были выявлены также три коринфские капители с двумя рядами листьев мягкого аканфа. Они датируются концом V – первыми десятилетиями VI в.

Раскопки выявили несколько импостных капителей. Из них до нас дошла одна, которая достоверно связана с базиликой. Она украшена с двух узких сторон. Она относится к тому же времени, что и композитные капители с тонким зубчатым аканфом.

Капители соотносятся с двумя фазами существования базилики. Кроме того, раскопки открыли малые капители с одним рядом листьев аканфа, скорее всего, от алтарной преграды, большую плиту алтарной преграды, мраморный слив канала и др. изделия из мрамора.

Тарханова Светлана Валерьевна
К. иск. / НИИТИАГ, Москва

Позднеримские сполы в ранневизантийских церквях и раннеисламских мечетях Шило (Самария). Особенности местной архитектурной стилистики

В Шило (или Хирбет Сейлун), легендарном теле Самарии, где в период раннего железа хранился Ковчег Завета, — в ранневизантийскую эпоху были выстроены, по крайней мере, одна синагога и три крупные паломнические церкви (вероятно, память о ветхозаветной святости еще не потеряла своей притягательности в позднеантичный период). Две из них — т.н. «северная» и «базиликальная» — встроены в позднеримский контекст города. Если библейские слои остаются изученными сравнительно неплохо (правда, место Ковчега Завета еще не найдено, что, безусловно, стимулирует дальнейшие раскопки), то римские, ранневизантийские и даже раннеисламские постройки требуют еще как археологических изысканий, так и искусствоведческого анализа. Развивая проблематику использования греко-римских сполы в церквях и синагогах, в данном докладе будет впервые представлен стилистический анализ позднеримских, с нашей точки зрения, архитектурных деталей, которые были использованы в «базиликальной» церкви, а также в наиболее странной постройке теля Шило — Джама ас-Ситтин (Jama' as-Sittin), которую считают последовательно перестроенной римской башней, синагогой, церковью, но с точностью атрибутируется лишь раннеисламская мечеть (даже две). Уникальные капители и другие детали корреспондируются с остатками римского города конца III в., когда приток римских столичных влияний уже иссяк, а ранневизантийский еще даже не начинался. В подобных условиях окрепли местные мастерские и сформировались локальные ордерные каноны, которые повлияли на дальнейшее развитие искусства Самарии и не только.

Лаврентьева Елена Сергеевна
Аспирант ГИИ / НИИТИАГ, Москва

Вопрос архитектурной реконструкции Храма Гроба Господня XI века в историографии XIX–XX вв.

Храм Гроба Господня — один из самых известных памятников мировой культуры. На данный момент принято считать, что он прошел три этапа строительства: первый относится к возведению Храма над Гробницей Христа в IV веке; второй этап — к восстановлению Храма после его разрушения халифом аль-Хакимом в XI веке; третий — к восстановлению Храма Гроба крестоносцами в XII веке.

Второй строительный этап, причиной которого стало разрушение Храма Гроба халифа аль-Хакима в 1008(9) году, по сравнению с другими является наименее изученным. Согласно анализу письменных источников, святыня восстанавливалась в несколько этапов под покровительством нескольких императоров Византийской империи. Сведений о внешнем облике и внутреннем устройстве Храма Гроба Господня сохранилось совсем мало. И в своем новом облике он просуществовал меньше столетия, так как в начале XII века его восточная часть была полностью перестроена крестоносцами.

Тем не менее, в XIX–XX вв. были предприняты попытки реконструкции плана и даже объемно-пространственной композиции Храма Гроба Господня XI в. Однако, вопрос правильности приведенных реконструкций остается открытым до сих пор.

Бесолов Владимир Бутусович
Член-корр. МААМ / Международная Академия архитектуры, Владикавказ

Армянская школа архитектуроведения: II. Н.Г. Буниатян (1884–1943)

В докладе последовательно рассматриваются ереванский и московский периоды личной жизни и творческой, научной и педагогической деятельности Николая Гавриловича Буниатова (Буниатяна) (1884–1943). Как один из ведущих мастеров армянской архитектуры 1910-х – 1940-х годов, Н.Г. Буниатов спроектировал жилые дома и общественные здания, возведенные в Ереване — столице Республики Армения.

Как видный ученый — исследователь армянской архитектуры, Н.Г. Буниатян сформировался в Анийской экспедиции Императорской археологической комиссии, бесценно руководимой Н.Я. Марром. Он детально обследовал храм Гарни и другие памятники армянской архитектуры. Историк армянской архитектуры Н.Г. Буниатян является автором ряда научных статей, роскошного увража и двух монографий, в том числе изданной посмертно первой на русском языке книги по истории архитектуры средневековой Армении.

Клюев Сергей Андреевич
НИИТИАГ, Москва

Скальные церкви Тыграй и храмовый комплекс Лалибэлы: некоторые аспекты взаимовлияния

В данном докладе рассматривается архитектурное взаимовлияние между комплексом Лалибэлы и скальными храмами эфиопского региона Тыграй.

Скальные церкви Лалибэлы занимают в истории архитектуры Эфиопии особое место. Создание комплекса из одиннадцати храмов уникально для местной традиции. По сей день продолжается дискуссия относительно его датировки и символического значения.

Храмовый комплекс, расположенный в исторической области Ласта, куда из тыграйского Аксума переместила политический и культурный центр страны пришедшая к власти династия Загве, длительное время оказывал влияние на архитектуру расположенных поблизости церквей.

Характерные особенности храмов Тыграй раннего периода нашли свое отражение в архитектурном решении церквей Лалибэлы. Наиболее очевидным видится влияние планов и декора базилик типа "тыграйский крест в квадрате".

В последующий период в Лалибэле возникают новые типы храмов, отдельные черты которых через архитектуру скальных церквей Ласты переносятся и в Тыграй. Так, высеченная в глубине скалы обходная галерея базилик "открытого типа", восходит, вероятно, к храму Бет-Абба-Либанос в Лалибэле.

Воробьева Дарья Николаевна
К. иск. / МГХПА им. С.Г. Строганова, Государственный институт искусствознания, Москва

Особенности архитектурной инсталляции комплекса ратх Мамаллапурама

Общим местом в истории архитектуры Индии является утверждение, что т.н. *ратхи* Махабалипурама — первый пример ранней дравидийской архитектуры, представляющие миниатюрные модели не дошедших до нашего времени сооружений деревянного зодчества Южной Индии. Монолитные святилища были высечены подобно скульптуре из цельного массива сглаженных морем скальных выступов в середине VII в. н.э. в правление Мамалла I Паллава. Избранное для сооружения храмов место имело важное стратегическое значение как портовый город, начиная с первых веков н.э. Основная архитектурная группа носит имена братьев Пандавов и их жены Драупади — героев Махабхараты, однако название это является более поздним, фольклорным переименованием. В настоящее время исследователи установили, кому были посвящены скальные храмы — основным почитаемым в то время божествам: Шиве и его супруге Парвати (Дурге), их сыну Сканде (другие его имена в данной местности — Муруган, Субрахманья), Вишну и Ганеше, указанием на что являются рельефные изображения храмов и скульптуры *вахан* (ездовых животных божеств) расположенные рядом.

В докладе будет рассмотрено почему комплекс ратх является не просто набором миниатюрных моделей святилищ, а особым типом скульптурно-архитектурной инсталляции, тесно связанной с

антропоморфизмом индийской архитектуры и характерным мандалическим пространственным мышлением древних индийцев, наложенными на особенности иконометрии паллавского времени. Немалую роль сыграли особенности ландшафта местности, поэтому подобного типа комплексов в Индии больше нет, однако принцип инсталлирования, заимствованный у скульптурных религиозных композиций, ярко проявившийся в архитектуре Мамаллапурама является общим для индийской архитектуры и в той или иной мере прослеживается в других памятниках.

Шевченко Марианна Юрьевна
К. архит. / МАРХИ, НИИТИАГ, Москва

Влияние концепции идеального города на китайское градостроительство III–XIV веков

Планировочная композиция крупных городов в Китае начинает складываться еще при правлении династии Чжоу в X–III вв. до н.э., но окончательно формируется к III веку во время династии Хань, когда документально фиксируется в виде описания идеального столичного города в шестой главе трактата Чжоули, получившей название Као-гун-цзи. Чжоули, став частью классического конфуцианского «Тринадцатикнижия», оказал решающее влияние на культуру Китая, и в частности на формирование планировочного стереотипа столичного города. Текстовое описание могло интерпретироваться по-разному, и первоначально градостроители воплощали лишь отдельные его части. Полноценная попытка создать идеальный город была проведена в IV в. во время династии Суй градостроителем Юй Вэнькаем при строительстве города Дасин (Чанъань династии Тан). Но при династии Сун выходит сборник «Саньлиту», в котором даются иллюстрации к классическим конфуцианским текстам, в том числе приводится схема идеального города по книге Као-гун-цзи. После этого данная наглядная графическая схема наряду с описанием становится определяющей при планировке городов. Она повлияла на формирование таких столиц как Дунцин (960–1127) (современный Кайфэн) Северной Сун, Чжунду (1153–1234) династии Цзинь, Даду (1267–1368) династии Юань, Чжунду (1396) династии Мин и Пекин (1420–1912) династий Мин и Цин.

Коротчикова Полина Викторовна
К. иск. / Государственный музей искусства народов Востока, Москва

Формирование облика столицы Индии в эпоху Делийского султаната: политические, идеологические, природные факторы

В 1871 г. британский инженер Гордон Рисли Хирн выпустил книгу «Семь городов Дели», обратив внимание на «полистоличность» как своеобразный градостроительный феномен, проявившийся в эпоху Делийского султаната (1206–1526), — первого мусульманского государства на территории Индии. В основе стремления чуть ли не каждого правителя возвести новый военно-культурный объект лежал комплекс разносторонних причин, самые очевидные из которых — политические (главной доминантной всегда была мощная крепость, внутри и вокруг которой формировались кварталы городской застройки).

Но статус предшествующих городских образований с возведением новых не оспаривался и не понижался, велись реставрационные работы, совершенствовалась дорожная сеть, соединяющая населенные пункты между собой. Т.о., помимо сугубо политических, играли роль и идеологические факторы: необходимость утверждения преемственности и легитимности власти. А благодаря личным качествам и предпочтениям каждого султана, архитектурные объекты и комплексы часто приобретали оригинальный вид и несли в себе аллюзии на более ранние постройки.

Высокий пиетет к предшественникам и сформировавшимся духовным центрам в сочетании с требованиями времени и факторами природно-экономического характера привели к тому, что разрозненные крепостные сооружения постепенно замыкали «многостоличное» образование в сложный комплекс, ставший единым городским пространством. А своеобразная градостроительная политика была воспринята преемниками Делийского султаната — династиями Суридов (1539–1555) и Великих Моголов (1526–1827), а также региональными династиями.

Мурадов Руслан Гельдыевич
Профессор МААМ / Союз архитекторов Туркменистана, Ашхабад

Региональные особенности архитектуры караван-сараяв в Каракумах

Средневековые караванные пути из Поволжья через Хорезм и из Китая через Мавераннахр в Иран до сих пор прослеживаются на отдельных отрезках в пустыне Каракум. Вдоль этих трасс в IX–XII вв. выросли цепочки караван-сараяв, которые функционировали достаточно долго, до полного отмирания сухопутной трансконтинентальной торговли в XV в. Некоторые из них обследованы по старым трактам из Нисы и Мерва в двух направлениях: к Хиве и Бухаре. Все они представляют собой образцы глинобитного строительства по очень древней местной планировочной схеме «внутренний прямоугольный двор в обводе помещений с внешними глухими стенами и круглыми угловыми башнями». Степень их сохранности варьируется от едва заметных руин, по которым может быть восстановлен только план, до вполне читаемых объемных структур с важными конструктивными узлами. Что касается изученности этих объектов, то лишь некоторые из них подвергались архитектурным обмерам и фрагментарным археологическим раскопкам. Большинство же до сих пор не локализованы, хотя их названия и порядок расположения известны благодаря арабским географическим сочинениям той эпохи. С XVI в., когда их коммерческая роль исчезла, они нередко использовались в военных целях, чему способствовали изначальные фортификационные качества этих сооружений.

Уникальная черта их архитектуры — пластическое оформление фасадов массивными сомкнутыми полуцилиндрами, которые принято называть гофрами. Над ними тянулся парапет в виде ритма тромпообразных, перспективно-ступенчатых арочных ниш — ныне повсеместно исчезнувший. Гофрировка стен — это архаичный приём, который в средние века применялся как сугубо декоративный и за отдельными исключениями только в двух исторических областях (Мерв и Хорезм). Самые ранние из датированных придорожных построек с гофрами — Насрак (Мансаф) и ат-Тохламадж, а по монументальности выделяются Акча-кала и Минара 1. Другая характерная деталь структуры каракумских караван-сараяв — наличие высокой сигнальной башни на одном из углов здания, часто принимаемой за минарет, что отражено в самих народных названиях этих памятников. Наконец, еще одним редким, но едва ли типичным признаком является двухчастная структура плана. Известны всего три караван-сарая с двумя дворами и все они относятся к наиболее крупным по габаритам, усложненным по внутренней планировке, а в двух случаях и особо репрезентативным.

Казарян Армен Юрьевич

Д. иск., чл.-корр. РААСН, поч. член РАХ, иностр. член НАН Армении / Государственный институт искусствознания, НИИТИАГ, Москва

Архитектура исламских мавзолеев типа ротонды на пространствах Армянского нагорья и Восточной Анатолии. Особенности развития

Доклад является фрагментом широкого исследования происхождения так называемой сельджукской (турецко-иранско-арабско-курдской) архитектуры на пространствах Армянского нагорья и Анатолии с XII века. Автор приглашает к новому обсуждению вопроса происхождения исламских мавзолеев типа ротонды на этой территории. Обычно генезис их архитектуры связывается учеными с 1) тюркской традицией среднеазиатских мавзолеев; 2) северо-иранскими истоками, основанными на интерпретации архитектуры Гунбад-и Кабуса; 3) копированием или интерпретации купольных глав армянских церквей. Вопреки этим радикальным оценкам, предлагается новое понимание этой проблемы, согласно которому сформировавшаяся не позднее XI века идея исламского мавзолея получила своеобразное развитие на Армянском нагорье и прилегающих к нему областях средневековой Анатолии. Эта идея фактически была переосмыслена не только под впечатлением от внешнего вида памятников армянской архитектуры (форма, пропорции и декор армянских куполов, ротонд, а также центральных церквей), но, вероятно, в связи с привязкой их содержательной составляющей. В основе процесса заимствования могло лежать глубокое культурное взаимодействие элит армянского и мусульманского сообществ. Не только тесные контакты между армянами и сельджуками, но и участие армянских мастеров в мусульманском строительстве вплоть до эпохи Нового времени подтверждают концепцию доклада.

Кононенко Евгений Иванович
К. иск. / Государственный институт искусствознания, Москва

Улу-джами Аксарая: между Османами и Караманом

Анатолийское княжество Караман было главным правопреемником султаната Сельджуков Рума и основным политическим конкурентом Османов. Ослабленный к концу XIV в., Караман вновь расцвел после похода Тимура. В недолгий период «второго возвышения» княжества в принадлежавшем ему Аксараяе построено здание Большой мечети (1409), соответствующее типологии раннеосманской *улу-джами*, но совершенно не характерное для архитектуры Центральной Анатолии. Конструкция здания кажется архаичнее, чем у ряда современных ему аналогов, однако планировка зального пространства, следуя четкому тренду начала XV в., по некоторым параметрам превосходит достижения и столичных караманидских, и османских мастеров. Такое несоответствие потенциальных возможностей и строительной практики порождает ряд вопросов. Насколько план дошедшей постройки в Аксараяе соответствует первоначальному замыслу и тенденциям зодчества Карамана? Развивает ли постройка местную модель «официальной сельджукской мечети» или лишь воспроизводит османские образцы? Следует ли рассматривать провинциальное здание лишь в контексте архитектуры Карамана, как следование архитектурной «моде» или же как отражение политических претензий местных князей?

Чекмарев Владимир Михайлович
Д. иск. / Москва

Посланники царя Ивана IV в парках, садах и заповедных рощах английской королевы Елизаветы I. 1557, 1559, 1567, 1582-1583 гг.

Доклад посвящен русско-английским связям в области садово-паркового искусства в эпоху Ивана IV. Именно в это время завязываются первые художественные контакты между двумя этими странами. Особую роль в этом процессе играли визиты русских посланников к английскому двору, в ходе которых происходило посещение королевских садов, парков и заповедных рощ Елизаветы I. На основе архивных и библиографических источников в докладе восстанавливается картина того, что представляли собой в то время английские придворные садово-парковые композиции и заповедные рощи, а также приводится описание с уточнением конкретного их восприятия русскими посланниками.

Клименко Юлия Гавриилловна
К. архит. / МАРХИ, НИИТИАГ, Москва

Искусство стереотомии в архитектуре французского классицизма

Доклад посвящен изучению эволюции искусства строить из тесаного камня в архитектуре Франции. Анализ издаваемых с XVI века многочисленных трактатов, руководств и практических рекомендаций в помощь мастерам каменщикам-резчикам позволяет проследить характер развития научных и строительных достижений в этой области. «Секрет архитектуры» и другие публикации аккумулировали опыт французских архитекторов, создававших особые конструкции с такими примечательными инженерными и планировочными решениями, благодаря которым формировалась новая школа с широкими техническими возможностями. О создании совершенно «нового искусства неизвестного ни древним, ни иностранцам» писал Ш.-А. Жомбер и другие архитекторы XVIII века. О феномене французского классицизма сообщает весь арсенал строительных произведений из камня, которые быстро становились архитектурной моделью для других государств. «...Будущие столетия не усомнятся поставить Французскую Архитектуру рядом с Греческой и Римской..., ибо наши новые архитекторы, создали особенную архитектуру, соответствующую нашему климату, нашему вкусу, нашим нуждам, нашим обычаям».

В докладе последовательно прослеживается, каким образом в культурном пространстве сформировалось это новое явление, ставшее результатом штудирования лучших образцов итальянской классической архитектуры, развитых в эпоху Ренессанса, и виртуозности французского искусства стереотомии, воспринимающегося в международном сообществе своеобразной визитной карточкой национальной школы, постройки которой уже три столетия продолжают вызывать восхищение и признание.

Клименко Сергей Васильевич
К. архит. / МАРХИ, Москва

Субординация архитектурой власти во Франции второй половины XVII — первой половины XVIII века

В 1654 году во Франции была учреждена должность сюринтенданта (управляющего) Службы Королевских строений (Bâtiments du Roi) наряду с существовавшей уже в XVI в. должностью Первого архитектора короля. Тем самым было положено начало формированию новой модели организации архитектурно-строительной деятельности во Франции, сложившейся при Людовике XIV к концу XVII столетия. Существовавшая в рамках этой Службы субординация разных уровней архитектурной власти представляла собой вполне дееспособную систему проектирования, строительства и контроля, способствовавшую успешной реализации многих заказов Короля. Рассматривается организационная структура Службы Королевских строений и характер деятельности королевских архитекторов, разрабатывавших проекты крупных градостроительных ансамблей. Характер этих работ, носивший порой значительный масштаб, естественным образом, затрагивал планировочную структуру Парижа и других крупных городов. Это стало одной из причин для выработки новых правил регулирования их застройки — от создания системы площадей до определения четких границ города. В данной связи ключевая роль может быть отведена такому административному органу как Полиция, функции которой в XVII и особенно XVIII столетии распространялись гораздо шире единственной ее роли в настоящее время как охранительного органа. Осуществление Полицией функции регулирования застройки в городах или, используя термин XVIII в. — *l'embellissement des villes* (украшение и благоустройство городов), — стало поводом для осмысления этой деятельности в труде французского администратора Николя Деламара, издавшего «Трактат о полиции» (*Traité de la Police*). Сформировавшиеся во Франции к началу XVIII в. институты фактически создали модель управления архитектурно-строительными процессами, оказавшую влияние и на практику других стран. В частности, отмечается попытка ее переноса в Россию Петровского времени в преобразовательных проектах французского архитектора Ж.-Б.А.Леблона.

Коптева Татьяна Владимировна
К. архит. / НИИТИАГ, Москва

“Книга древних” — архитектура как главный источник исторического знания (по Ж.-Л. Вьелю де Сен-Мо)

Эпоха Просвещения породила, среди прочего, расцвет археологической науки: раскопки храмов Пестума и руин Геркуланума изменили представление людей об античной архитектуре и ордерной системе. Однако эти же новые открытия поставили под сомнение классические трактаты, по которым учились архитекторы, и даже сам факт существования единственно верных пропорций ордера. Всплеск архитектурной теории не мог полностью решить эту проблему — трактаты современников оставались дискуссионными, и их было практически невозможно привести к общему знаменателю.

Остроумным ответом на сложившуюся ситуацию можно назвать работу Ж.-Л. Вьеля де Сен-Мо “Письма об архитектуре”, в которой он излагает свою теорию зодчества, согласно которой памятники архитектуры являются самодостаточной историографией, дающей знания не только о строительстве древних, но также о космологии, врачевании и т.д.

Здания, по мнению Вьеля де Сен-Мо, изначально создавались как кодовая система, которую мы можем расшифровать. Более того, архитектура в его теории была первой из кодовых систем, породила письменность и живопись и является наивысшей формой их существования.

Карпов Виктор Васильевич
К. иск. / НИИТИАГ, Москва

Жюльен Гваде: Риторика и герменевтика композиции

Рассмотрение архитектурного трактата второй половины XIX – начала XX столетий «Элементы и теория архитектуры» (*Éléments et théorie de l'architecture*) (1901) Жюльена Гваде (*Julien Guadet*) как

одного из теоретических оснований курса архитектуры в *L'École des Beaux-Arts*, и развития академической традиции в архитектуре в целом, способствует выявлению определяющей роли *композиции*, как в образовательных программах, так и в архитектурной практике академизма. Наряду с очевидным и общепризнанным влиянием идей и положений Гваде на дальнейшее развитие архитектуры авангарда начала XX столетия и модернизма, выявляются внутренне им присущие инструменты, обеспечивающие ассимиляцию идей в процессе развития и взаимодействия предшествующей традиции и необходимых, провоцируемых историческим, культурным, техническим и научным развитием инноваций. Два инструмента — *риторика* и *герменевтика* — в их единстве и взаимопроникновении не только определяют, часто непреднамеренно, внутреннее структурное построение и смысловое содержание теории Гваде, но и сами по себе становятся средствами исторического описания и теоретического осмысления архитектуры, во многом определяющими инструментальные приемы создания архитектурных произведений.

Волчок Юрий Павлович
К. архит., акад. МААМ / НИИТИАГ, Москва

Первый международный междисциплинарный журнал по философии культуры "Логос" (1910–1914): у истоков "интернационального стиля" в архитектуре

Основная задача доклада: связать между собой появление первого интернационального журнала по философии культуры «Логос» в 1910 году и первой выставки архитектуры «Современная архитектура: интернациональная архитектура» в Музее современного искусства в Нью-Йорке (МОМА) в 1932 году.

1. Эти два события объединены между собой множеством смысловых нитей, сформировавших на протяжении 20 лет, по выражению М.Я. Гинзбурга, «архитектурную ткань», интернационального стиля. Благодаря формированию исторического знания «под таким углом зрения» (А.Ф. Лосев), появляется дополнительная возможность углубиться в содержание методологического диалога архитектуры и философии. (Уместно здесь отметить, что один из авторов и организаторов выставки в МОМА, всемирно известный архитектор Ф. Джонсон – выпускник философского факультета Гарвардского Университета.

2. Содержание русского издания журнала «Логос» (в отличие от изданий в Германии и Италии) строилось на сложной конфигурации взаимоотношений основных тенденций и направлений философии того времени, в том числе: неокантианства, американского прагматизма, европейского идеализма, рационализма, техницизма и др. (Об этом говорит состав авторов журнала). Такое многообразие философских взглядов оказывало несомненное влияние на формирование методологии архитектуры и понимания ее места в диалоге культуры и цивилизации своего времени, а также на сложение теории строения в европейской и отечественной науке до и после социально-исторических событий 1914-1917 годов.

3. Импульсом для понимания роли творческого диалога философии и архитектуры в построении логических конструкций в культурологии, по концепции российской редакции журнала «Логос», служит обложка первого номера журнала. Ее композицию составляют слово «логос», написанное по-древнегречески, портрет Гераклита и рисунок Парфенона.

4. Одному из активных соавторов-учредителей журнала «Логос» Ф.А. Степуну, выпускнику Гейдельбергского Университета на кафедре В. Виндельбанда (диссертация по философии Вл. Соловьева), принадлежат понятия «трагедия и творчество», «трагедия и современность». И на этом фоне появляется возможность более полно интерпретировать понятие «современная архитектура», предложенное М.Я. Гинзбургом в его книгах 1922 и 1924 годов, и ставшим названием журнала СА «Современная архитектура».

5. Важно здесь зафиксировать внимание и на том, что итальянский исследователь и архитектор Г. Канелла в 2007 году утверждал роль и место московской архитектуры начала 1920-х годов в образовании «интернационального стиля» как несомненное историческое событие.

Кавтарадзе Сергей Юрьевич
Школа коллекционера и эксперта ЦСИ "Винзавод", Москва

Самопозиционирование Человека по отношению к образу мира как стилеобразующий фактор

1. По-существу, традиционное описание и определение стиля, а также причисление конкретного памятника к тому или иному стилевому направлению осуществляется согласно двум базовым подходам: либо иконологическому, либо формальному.
2. В докладе будет предложен еще один способ различения эпох и стилей. Его можно было бы назвать *онтопологическим позиционированием*.
3. Так, в определенные эпохи (Ренессанс, Авангард) человек видит себя частью единого в платоновском понимании мира и, как следствие этого, чувствует себя способным влиять на степень гармонической слаженности и упорядоченности Вселенной.
4. В иные времена (классицизм, например) он же чувствует себя внеположенным тварному миру, глядящим на него как бы со стороны. К таким периодам могут быть причислены классицистические эпохи, когда люди, глядя на мир как будто извне (с высот априорного опыта), стремятся вычислить верные формулы, законы, согласно которым функционируют Вселенная.
5. Еще один тип — это стили, адепты которых обращают творческий взгляд прежде всего к трансцендентному, к Иному миру, к богам или к Богу. Это период Средних веков, а также барокко и те течения XIX века, что родственны духовным исканиям символистов, прежде всего, иррациональный и романтический модерн.
6. Наконец, наша культура уже дважды успела столкнуться с эпохами, когда трансцендентное остается вне зоны интереса художников, по крайней мере, зодчих. В XIX веке, как и сегодня, архитекторы оказались в роли простых декораторов фасадов, приставленных к зданиям, где функции, типология, композиция, конструктивные решения и, в конечном итоге, семантическое наполнение определяется не ими, а заказчиками и инженерами.

Ванеян Степан Сергеевич

Д. иск. / Московский Государственный университет им. М.В. Ломоносова

Эрик Форссман: постклассическая иконология архитектуры

Анализ в лице Эрика Форссмана классических архитектурно-теоретических текстов уточняет связь между текстом и архитектурным памятником: аналитика движется вслед за практикой, практика — вслед за теорией. Система ордеров, понятая как средство эмоционального воздействия на пользователя, предполагает и характерологию — своего рода габитус архитектурной активности — в аспекте и проектирования, и строительства, и последующего пользования (в том числе и в виде интерпретации). Каждый из ордеров определяет свое отношение к смыслу. Возможно как и аллегорическое отношение (литературно-отвлеченный подход — иконография), так и касающееся прямой экспрессии жизненных обстоятельств — архитектора, и заказчика, и толкователя (икология). Одно подразумевает документ, другое — монумент. Разложение самого ордерного мышления в XVIII веке дает уже в XX веке примеры искусственной реанимации монументального, понятого как суггестивно-колоссальное (все тоталитарные режимы). Прямое усвоение ордерной системы — в прямом понимании ответственности перед оживающей и умирающей историей.

Линникова Ольга Викторовна

К. Иск., Phd Doctora en Historia del Arte / Аликанте, Испания

Проект К. Ф. Шинкеля для дворца в императорском имени Ореанда

Проникновение новых идей эклектической архитектуры в России происходило благодаря широкому культурному обмену, который происходил между русскими и зарубежными архитекторами. Большую роль в этом сыграл один из представителей эпохи «прусского эллинизма», берлинский архитектор с мировой славой: Карл Фридрих Шинкель. К. Ф. Шинкель — фигура первой величины в истории архитектуры XIX века. В своих работах архитектор обращался к различным стилевым направлениям: готике, «неогреку», «помпеянскому» стилю, ренессансу и другим направлениям. Влияние Шинкеля на распространение новой архитектурной моды в России было весьма значительным. Оно было заметно в работах Александра Брюллова, Андрея

Штакеншнейдера, Михаила Быковского и других архитекторов той поры. В статье анализируется проект для дворца в императорском имени Ореанда в Крыму (1838), выполненный известным немецким архитектором К. Ф. Шинкелем. Эта работа, которую Шинкель высоко ценил и опубликовал в виде авторских цветных литографий, была по достоинству оценена его современниками и является одной из ярчайших страниц архитектурной графики XIX века. Шинкелевский проект, отклоненный из-за дороговизны и грандиозности масштаба, был переработан известным русским зодчим XIX века А. Штакеншнейдером. Дворец, построенный по проекту Штакеншнейдера просуществовал до 1882 года, когда здание было почти полностью уничтожено пожаром.

В зарубежных исследованиях, посвященных творчеству Шинкеля (J. P.Klaus, W . Szambien, C. Sahm-von Alten), как правило, ничего не говорится о постройке, которая была реализована по проекту Штакеншнейдера; отечественные исследователи (Т. А. Петрова, А. П. Пальчикова, Н. Н. Калинин, М. Земляниченко), напротив, рассматривают проект Штакеншнейдера как вполне самостоятельный, обычно лишь упоминая о существовании проекта Шинкеля. Проведенный сравнительный анализ двух проектов, а также их различных вариантов позволил автору сделать вывод о невозможности рассматривать проект Штакеншнейдера вне контекста работы Шинкеля.

Белинцева Ирина Викторовна
К. иск. / НИИТИАГ, Москва

Архитектор Восточной Пруссии Курт Фрик (1884-1963 гг.): противоречия творчества

Курт Фрик принадлежал к плеяде многочисленных мастеров, работавших в Восточной Пруссии в первой половине 20 в., творческая деятельность которых до сих пор практически не изучена. В Калининградской области сохранился ряд значительных общественных, культурных, промышленных и жилых сооружений, построенных мастером, членом объединения Веркбунд. Он начинал как соавтор и ученик известного зодчего-новатора Г. Мутезиуса, при строительстве города-сада Хеллерау под Дрезденом (1911 г.). К. Фрик внес большой вклад в восстановление разрушенных во время Первой Мировой войны городов Восточной Пруссии, возводил здания в так называемом «стиле защиты Родины», призванного сохранить традиционный облик исторических поселений. Сооружения в пос. Железнодорожном (бывш. Гердауэн) дают представление о художественной концепции этого архитектурного направления. В 1920-е гг. в творчестве мастера проявились приметы Ар Деко, его сооружения противоречиво соединяли простоту функционализма, исторические реминисценции местного зодчества и стремление к декоративности. Одно из его зданий — бывшее полицейское управление в Тильзите (совр. Советск) стилизует строгую объемно-пространственную композицию крепостей Тевтонского Ордена, однако мастер усложняет суровый облик фасадов введением плавно прорисованных бетонных карнизов, глазурованного и фасонного кирпича и других деталей. К. Фрик сотрудничал со скульпторами В. Розенбергом, Трейне и другими, органично включая пластику в облик своих построек, что в целом несвойственно простой и экономичной архитектуре региона. Одна из его интересных построек в стиле Ар Деко — собственный дом и архитектурное бюро, частично сохранилась в Калининграде. Остаются неизученными индустриальные сооружения, построенные им в бывшей столице Восточной Пруссии. К. Фрик опубликовал также ряд теоретических статей, посвященных размышлениям о местной архитектуре и ее будущем. В 1945 г. уехал в западную часть Германии.

Арутюнян Тигран Мигранович
К.archit. / Архитектурное бюро Парс-В

Монумент Степану Шаумяну в Ереване

Монумент Степану Шаумяну — первый крупный общественный памятник в Ереване, имевший не только сильное идеологическое содержание, но и важное градообразующее значение. Его влияние на дальнейшее формирование оси памятников (памятники Ленину, Шаумяну и Мясникяну) и на архитектурный образ самих памятников.

Диалог памятника Шаумяну с градостроительными идеями Александра Таманяна.

Особый интерес представляет месторасположение монумента. Идеологический конфликт и олицетворение новой власти.

Конкурс на проект монумента и его участники. Выбор классицистического проекта при участии в конкурсе немалого числа конструктивистских. Фактор председательства Александра Таманяна в жюри конкурса.

Архитектура самого монумента. Прототипы и обращения к классическим и возможно национальным прообразам. Уникальность монумента для архитектуры Советской Армении конца 1920-х годов. Первый пример современного памятника в классических пропорциях. Единственный проект Ивана Жолтовского в Армении. Единственный реализованный Жолтовским проект монумента.

Анисимов Александр Викторович
Д. архит., член-корр. РААСН / НИИТИАГ

Начало XX века. Новый тип общественного здания – планетарий

В начале XX века появился новый тип высокотехнологичного зрелищного здания - Планетария. Родиной его изобретения считается Германия. Однако, его прообразы были известны с древнего мира. Многовековая история науки породила инструменты и астрономические приборы, которые сами стали архитектурой нового здания. Интересны первые попытки изображения вселенной и звездного неба. ставшие произведениями искусства. В 17 веке был изготовлен в Европе прообраз современного планетария — Гатторпский глобус, который был подарен русскому царю. Появление электричества и создание совершенной оптики в Германии создало новые возможности, которые привели в начале 1920-х годов к рождению этого нового типа помещения, а затем и здания. Первые простейшие планетарии были всего на всего звездными театрами, которые со временем превратились в многофункциональные объекты с серьезным научным и образовательным назначением. Исторический интерес представляют первые попытки использовать для планетариев зданий иного назначения: водонапорную башню в Германии или один из залов античных терм в Риме и т.д. Этот тип здания и его оборудование стали ярким образцом органического соединения науки и искусства, архитектуры и астрономических приборов.

Шурыгина Ольга Сергеевна
Независимый исследователь, Москва

Архитектура автомобильных гаражей в Европе и США 1920-1930-х годов: взгляд из Советской России

Интерес к западному опыту в области создания автомобильной инфраструктуры существовал уже в дореволюционной России, поскольку автомобиль и связанные с ним практики были заимствованы из Европы. Однако после революции и Гражданской войны изучение зарубежных технологий и архитектурных решений превратилось в жизненную необходимость. В докладе будут перечислены и проанализированы примеры проектирования и строительства гаражей на Западе в 1920–1930-х гг., известные российским архитекторам и инженерам благодаря заграничным поездкам и через публикации в зарубежной специализированной прессе, которая была доступна на территории Советской России. Важно определить, какие страны являлись на тот момент лидерами в области строительства автомобильной инфраструктуры и оказывали влияние на отечественную практику. Это возможно установить, изучив советские специализированные периодические и справочные издания 1920–1930-х гг. Наконец, я попытаюсь ответить на вопрос о том, как именно осваивался западный опыт отечественными специалистами межвоенного времени.

Чантурия Юрий Владимирович
Д. архит., проф., иностранный член РААСН, член-корр. МААМ / Белорусский национальный технический университет, Минск
Хеджазиния Алиреза
Белорусский национальный технический университет, Минск

Архитектурные ансамбли общественного центра Тегерана первой половины XIX века

В контексте исторического развития планировочной структуры Тегерана рассматривается формирование общественного центра в первой половине XIX в. Анализируется пространственная организация дворца шаха, площади «Амарет мейдан» и других сооружений в городской цитадели, а также Русской площади и торгово-гостиничного комплекса вдоль главной коммуникации Тегерана. В качестве общего урбанистического подхода определяется сочетание государственного регулярного, формально геометризованного строительства и естественно сложившейся архитектурной среды средневековой традиции. Устанавливаются композиционные принципы организации общественной застройки и элементов ландшафта, фиксируется значение системы крепостных сооружений в формировании своеобразного облика центра. Приводятся новые, а также малоизвестные, не публиковавшиеся в русскоязычной литературе графические материалы.

Иванов Андрей Владимирович

Магистр городского менеджмента и развития / Агентство промышленного развития г. Москвы

Исторический центр Гюмри — уникальный ансамбль городской каменной вернакулярной архитектуры XIX – середины XX в.

Гюмри (ранее Александрополь, Ленинакан) — в конце XIX в. крупнейший город Армении в границах Российской Империи, ее экономический и культурный центр. Историческая часть города — спланированные малоэтажные кварталы, застроенные местными каменщиками практически без участия архитекторов, — сохранялась в аутентичном виде в течение всего советского периода, выполняя функции многофункционального городского центра.

Землетрясение 1988 г., крах производств, включенных в общесоюзный рынок, кризис экономики независимой Армении, эмиграция наиболее образованных и активных горожан приостановили развитие города. Его население уменьшилось втрое, не превышая сегодня 70000 чел., многие исторические здания остаются в руинах или пустуют.

Однако это «замораживание» города предохранило его исторический центр от разрушения и уродливой постсоветской застройки. Сегодня он в целом сохраняет историческую среду высочайшего архитектурного качества, уникальную в масштабах всего Южного Кавказа.

В докладе впервые вводится понятие «вернакулярный архитектурный ансамбль» и рассматриваются следующие вопросы:

- Как вернакуляр оживил решетку стандартной колониальной городской планировки (феномен регулярного вернакуляра)?
- В чем средовая специфика каменной вернакулярной застройки центра Гюмри?
- Можно ли отнести к вернакуляру собор Аменапркич — копию кафедрального собора Ани X в., выполненную народным мастером во второй половине XIX в.?
- Как «городу ремесленников» удалось продолжать практику преемственной, историкосообразной частной вернакулярной застройки вплоть до 1960-х гг.?
- Как трансформируются традиции вернакуляра в редких современных постройках в «гюмрийском стиле» (проблема вернакулярного рабиса)?
- Как уникальные живые городские уклады Гюмри (наличие слоя т.н. халис-гюмрийцев, «городской кодекс Ленинакана» и т.д.) связаны с бытованием исторической вернакулярной среды? Каковы методы сохранения и регенерации исторического вернакулярного ансамбля, адекватные его собственной природе?

Конышева Евгения Владимировна

К. иск. / Южно-Уральский государственный университет, НИИТИАГ, Челябинск

Международные конгрессы, конкурсы и выставки 1900-х - 1930-х гг. в Европе: отражение актуальных проблем градостроительства

В начале XX в. в мировом градостроительном процессе обозначилась новая тенденция — интернационализация градостроительных поисков. Площадкой обсуждения западной градостроительной практики стали регулярные международные конгрессы, выставки и конкурсы. Они играли ключевую роль в консолидации сообщества городских планировщиков, в формулировании и обсуждении актуальных градостроительных проблем и, кроме того, в организации систематического международного обмена градостроительными идеями и практическими новациями. Главные форматы этого обмена сложились с началом регулярных

международных конференций, прежде всего, «International Town Planning Conference», инициированных Международной федерацией городов-садов и планировки городов, и конгрессов Международного союза городов. С конца 1920-х гг. новой площадкой стали конгрессы CIAM. Международные выставки и конкурсы, в свою очередь, визуализировали поиски, и не только отражали и пропагандировали существующую практику, но и формулировали концептуальные идеи. Повестки конференций, темы и объекты конкурсов и выставок можно рассматривать как зеркало актуальных градостроительных проблем и поисков, и их эволюции на протяжении первых десятилетий XX в.

Гыбина Майя Михайловна
К. архит. / ЗАО «ФОДД», Москва

Рабочие кварталы Милана начала XX века

Для жилых кварталов, построенных с 1905 по 1930 годы в Милане, наиболее характерны и инновационны использование земли под застройку и само размещение домов, которые можно разделить на 4 основные категории: смешанная застройка, открытая, полукрытая и закрытая. На примерах первых кварталов для рабочих будет проанализированы все 4 типа.

Первый квартал для рабочих на ул. Соларо (сейчас — ул. Солари) в Милане был построен по заказу Гуманитарного Общества архитектором Джованни Брoglio (G. Broglio) — это комплекс жилых зданий, построенный между 1905 и 1906 гг. и состоящий из 240 квартир: одно-, двух- или трехкомнатных. Открытие квартала совпало по времени с проведением ЭКСПО-1906 года в Милане и первые тысячи вновь прибывших в Милан могли здесь поселиться. Архитектура квартала определяется как «младший Либерти». При проектировании и строительстве комплекса архитектор был стеснен в средствах, что привело к линейным и однородным фасадам, а также к производству серийных деталей для декора.

Второй квартал был построен через 3 года после первого, между октябрём 1908 и ноябрём 1909 г. архитектором проекта выступил все тот же Дж. Брoglio по заказу Гуманитарного общества и первые 12 сотен жильцов въехали в новый комплекс 21 ноября 1909 г. В 12 жилых зданиях квартала в общей сложности располагалось 214 квартир различных типов.

Ким Екатерина Сергеевна
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, Москва

"Национальные" аспекты градостроительной концепции Рудольфа Шварца

Рудольф Шварц (1897–1961) известен, прежде всего, как один из главных немецких церковных архитекторов XX века. Кроме того, он оставил ряд монументальных теоретических трудов, один из которых посвящён его уникальной градостроительной и "землеустроительной" концепции. Он оперирует понятиями, ключевыми для немецкой теоретической мысли, и ряд из них касается "национальной" и социальной сфер: Volk, Heimat, Gemeinde. Шварц продолжает и развивает эту традицию, представляя её в метафорическом и символическом ключе. Отчасти практическим выражением концепции стали его планы по переустройству поселений Лотарингии (1941–1943 гг.) и план "Новый Кёльн" (1950 г.), который был составлен Рудольфом Шварцем на должности ответственного за послевоенную реставрацию города. Эти понятия тем более актуальны для рассмотрения, так как речь идёт, прежде всего, о драматичном для Европы периоде — 1940-х гг.